

Librarium

БАЛЬТАСАР
ГРАСИАН

КАРМАННЫЙ ОРАКУЛ

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва

УДК 14
ББК 87.3
Г77

*Перевод с итальянского Е. М. Лысенко
Вступительная статья профессора РГГУ и ВлГУ
А. В. Маркова*

Грасиан, Бальтасар

Г77 Карманный оракул / Б. Грасиан; [пер. с итал. Е. М. Лысенко; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 334 с. — (Librarium).

ISBN 978-5-519-64117-3

Бальтасар Грасиан — крупнейший испанский философ-моралист и писатель XVII в., обновивший сам дух испанской литературы и создавший руководства на все случаи жизни. Сочинения Грасиана долго были в забвении, пока Шопенгауэр и Ницше вновь не открыли философа читающей публике. «Карманный оракул» — наука внимания к себе, наука, превращающая жизнь в роман. Чтение «Кармального оракула» не только помогает разобраться в парадоксах и странностях психической жизни, в том числе современного человека, но и разгадать загадки культуры испанского барокко.

**УДК 14
ББК 87.3**

© Марков А.В.,
вступительная статья,
2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64117-3

ВОЙНА И МИР ИДЕЙ: ДОСТИЖЕНИЯ БАЛЬТАСАРА ГРАСИАНА

Бальтасар Грасиан-и-Моралес (1601—1658) один из самых универсальных умов в истории человечества. Бывают универсальные умы, которые просто много помнят и легко переходят от одних занятий к другим, связывая их для себя, но не для публики. Бальтасар Грасиан умел делать так много вещей в литературе, что даже загадка, помнил ли он сам всё, им сделанное; и он объяснял связь вещей наглядно любому читателю, даже недавно пришедшему к науке.

Эпоху, в которую жил Грасиан, называют эпохой барокко. Мы обычно понимаем под этим словом пышность декораций, множественность изощренных элементов в архитектуре или музыке, внезапные зрительные эф-

фекты, величие замысла и задушевную близость его исполнения, наконец, праздничность и при этом некоторую меланхоличность. Кто внимательнее изучал эпоху, безошибочно назовет принятые тогда формы: обманки (тромплёи) как имитирующие объемные вещи плоскостные изображения; декор, воплощающий идею внезапности в необычно сложенных листьях, завитках и раковинах; предпочтение асимметрии перед симметрией. Кто читал литературу барокко, перечислит ее мотивы: размытые границы между сном и явью, религиозное понимание миссии отдельного человека, остроумие и масштабность сравнений, изысканный синтаксис, перебирающий эмоции с целью настроить на нужную мысль. Такое приближение к барокко верно, но начнем с самого понятия.

Слово «барокко» первоначально означало что-то вроде нашего «причуда»: необычная форма, обещающая внезапную идею; с тем отличием, что идеи барокко при всей их причудливости всегда полезны. Как научный термин для обозначения значительной части

европейской культуры XVII в. это слово ввел Генрих Вёльфлин в книге «Основные понятия истории искусств» (1915). В этом труде Вёльфлин противопоставил Ренессанс и барокко не просто как эпохи, сменяющие одна другую, но как творческие и интеллектуальные принципы, противостояние и смена которых еще не раз воспроизвелись в истории. Барокко сделалось термином, как только было осознано, что и в культуре XX в. мы можем найти свои «ренессансные» и свои «барочные» явления: скажем, Малевич ренессансен, а Шагал барочен, или Ротко ренессансен, а Поллок и Уорхол барочны, Пикассо ренессансен, а Дали барочен.

Ренессанс, считал Вёльфлин, погружен в созерцание контуров и форм, для него важно отделить одно от другого, провести строгие тонкие контуры, чтобы считать судьбу так, как считывают алфавит. Прозрачное небо, рисунок в основе живописи, интерес к астрологии с ее числами и к математической геометрии, перспективные и инженерные штудии — вот первые приходящие в голову приметы Ренес-

санса, и они все «линейны», подчинены прямому мысленному лучу взгляда. Барокко противопоставило линейности живописность, а именно умение совладать с большими красочными формами, сближая тем самым непохожее. Поэтому барокко всегда спонтанно и выразительно, всегда требует обозревать предмет с разных сторон, находя несходное в сходном, а не только сходное в несходном. Барокко — это большой квест, обучающий видеть не то, как идеи становятся очевидными, но как они вовлечены в работу.

Жизнь Грасиана довольно обычна для выходцев из семей состоятельных и добившихся всего своим трудом. Родился он в семье доктора, и как старший ребенок предназначен был с детства к духовной карьере. Жертва первенца для церкви была обычна в городских семьях: в этом жесте сочетались религиозное рвение с желанием не дробить семейное имущество, но обеспечить надежный тыл всей семье, находящейся тем самым под некоторой защитой духовной конгрегации. В возрасте 18 лет Бальтасар вступил в Общество Иисуса,

созданное Игнатием Лойолой. Иезуиты всегда славились как создатели первой системы образования современного типа, с классами и партами, журналами и оценками, контрольными и итоговыми работами.

Образование в Обществе Иисуса перестало быть наставничеством, обращенным к немногим или многим, беседой, не наблюдающей часов, или совместным истолкованием буквы и духа, но стало постоянным подтверждением своего профессионализма, постоянной исповедью перед самим собой и судом над самим собой. Все мы знаем, что иезуиты стояли во главе реакции против Реформации: именно Реформация создала слово «профессия» (исповедание веры как подтверждение качества веры, а значит, и качества работы) и переживание Страшного суда как события личной совести: Контрреформация не опровергла, а развила эти интуиции, введя профессионализм и совестливость в искусство. Если Реформация не-долюбливала искусство за иллюзорность, то Контрреформация стала пестовать эту иллюзорность как царство личного переживания.

В 30 лет Грасиан стал профессором морального богословия в каталонской Лериде, а двумя годами позднее перебрался в Валенсию, в иезуитский коллегиум Гандии, где уже читал все основные философские курсы. В 35 лет Общество доверило ему высокое священнослужение: он стал официальным проповедником и исповедником иезуитского коллегиума в Уэске, в Арагоне. Назначенный на эту должность, он сразу начинает создавать пособия для себя и для будущих проповедников. Первым таким пособием стала книга «Герой» (1637), посвященная опровержению трактата Никколо Макиавелли «Государь» (1532). Государь, или, вернее, республиканский вождь Макиавелли — человек, переполненный жизненной силой, *virtu*, которую он хочет направить ко благу; но роковое устройство политики, в которой все друг с другом соперничают, заставляет его отступить от пути блага и превратиться в организатора больших событий. Герой Грасиана ничего не организует, он стоит перед лицом больших событий и больших открытий (Грасиан и жил в стране, совершив-